

КАНИКУЛЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

Александр Рогинский
Каникулы в Ленинграде

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рогинский А.

Каникулы в Ленинграде / А. Рогинский —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Юноша приезжает на каникулы в Ленинград к родственникам, которых он помнит веселыми и жизнерадостными. Но его встречает совершенно другая атмосфера. Первое желание - вернуться домой.

И если бы не соседка родственников и ее дочь, то, может, так бы и произошло. Подростки начинают бороться за жизнь взрослых. Объединенные желанием помочь, юноша и девушка лучше узнают друг друга и...

Александр Рогинский Каникулы в Ленинграде

* * *

На вокзале отец коротко целует меня в лоб, подталкивает к вагону.

Я нахожу свое купе, бросаю на лавку чемодан и одергиваю занавеску. Отец точно вычислил мое место – стоит прямо напротив окна. Он стоит, опустив руки, чуть наклонив вперед голову, его синие глаза смотрят изучающе, будто впервые видят мое лицо.

Он отделил меня от себя и, наверное, переживает сейчас ощущения дискомфорта. И я чувствую нотку покинутости, оторванности от чего-то устойчивого и надежного. Меня, словно корабль, относит от берега.

Отец стоит неподвижно с минуту, улыбается мне, раскрывает ладонь, и я вижу ее глубокою впадину.

Поезд трогается. Отец что-то коротко произносит, скорее, для полного исполнения ритуала прощания, резко поворачивается и уходит.

И вот то место, где он стоял, пусто. У меня перехватывает горло – я еще вижу его тут, а его уже нет. У меня такое ощущение, что я его потерял навсегда.

* * *

Нашу семью разбросало во время войны. До нее тетки и дедушка с бабушкой жили в одном городе. Война эвакуировала всех в разные места. Взаимоотношения с родственниками были до чрезвычайности запутанными. С кем-то отец переписывался, кого-то очень любил, про кого-то вообще не вспоминал, с кем-то поддерживал дипломатические отношения.

К нам редко приезжали. Кого я хорошо помнил, так это ленинградцев – тетю Люсю и ее веселого худощего мужа Мишу. К ним я и ехал сейчас.

Отец называл свою сестру Луска, а дядю Мишу Креолом. Его лицо светлело, когда он о них вспоминал. И это, мне помнилось, действительно были хорошие люди.

Я видел их несколько раз у нас дома, и всегда вместе с ними в наших пустых комнатах появлялись новые запахи и новые звуки. Двери чаще отворялись и закрывались, весело пели петли, окна распахивались, стулья скрипели...

От тети Луски пахло фиалками, а от Креола крепким трубочным табаком и кожаным чемоданом (есть, оказывается, и такой запах)...

Мне нравилось наблюдать, как Креол набивает свою трубку. С гордостью дядя Миша показывал, словно вырезанные из старого мореного дуба и до блеска отполированные, прокуренные пальцы. При этом он добродушно ворчал и проговаривал фразу, которую я смог понять только гораздо позже: «люди-то во что превратились».

Отец говорил дяде Мише:

– Креол, бросай курить, ты уже весь проникотинился и забальзамировался.

– Это прекрасно, – надувал щеки дядя Миша. – Дольше жить буду.

Я ехал в Ленинград с двойным чувством: я понимал, что отцу нужно хотя бы месяц без меня отдохнуть, и это меня обижало. Приятным было то, что мне хотелось увидеть смешную парочку родственников, которых я давно не видел, кажется, лет шесть или семь.

У меня была масса и своих забот, с которыми я должен был считаться. Например, обещание Ларке Пятерниковой помочь с переэкзаменовкой по русскому языку. Пришлось перед самым отъездом звонить – что-то лепетать о семейном ЧП.

В общем, я ехал в Ленинград никаким, без особого настроения. В этом городе мне еще не доводилось быть, хотя я его, как мне казалось, прекрасно знал. В основном, конечно, по книгам.

* * *

Поезд пришел в пустой город. Было воскресенье. Трамвай, в который я сел, отчаянно визжал и скрипел.

Солнце подняло в воздух тяжелые каменные дома. Город проплывал неожиданными всплесками архитектуры, с залепленными светом тяжелыми фасадами и сквозными темными, словно проруби, подъездами.

Дома были старые, давно не отремонтированные – это бросалось в глаза.

Тетка жила на улице Маяковского напротив небольшого сквера, где уже в этот ранний час собрался неумытый пошатывающийся народец. Ходила чумазая собака с обрубленным хвостом. Она попыталась раньше меня проникнуть в подъезд, но я на нее цыкнул. Собака, злобно изогнув спину, покорно отошла в сторону.

Широкое, пахнущее кошками парадное с разбитыми стеклами гудело от пустоты. Родичи жили в коммуналке – я долго искал нужную кнопку.

Кнопки различались размерами. По всей видимости – в зависимости от материального состояния. Кнопка тетки была средних размеров и выкрашена в красный цвет.

Послышались легкие шаги, я увидел перед собой девушку с гладкими длинными волосами и глубокими голубыми глазами. Я увидел ее как вспышку света – она вышла из темных театральных кулис.

Обычно в коммуналках прихожие темные и заставлены всяким хламом. Эта же квартира была с фонарем дневного света. Солнце, рассеявшись через десятилетиями немытое стекло, освещало пространство ровным полусветом.

Широкий коридор был свободен, правда, на стенах висело два велосипеда – женский и подростковый. У меня глаза зажглись, я вдруг представил себя в седле.

На девушке была ярко-красная кофточка и легкая ситцевая юбка. Похоже, она накинула на плечи первое, что попало. Девушка хранила на себе следы теплого комфорта, и я мог голову отдать на отсечение, что в комнате, из которой она пришла ко мне, было много мягкой мебели.

Девушка рассматривала меня, как занимательный предмет. В том как она стояла и смотрела, были видны гордость и знание себе цены. Если такую тронешь на улице, тут же схлопочешь пощечину. Взгляд у нее был очень взрослый. Я давно заметил – у девчонок моего возраста быстрее всего взрослеют глаза.

Так устроила природа, чтобы придать слабости силу. Иначе, отчего более сильный мужчина всегда уступает женщине. Даже в драке. Однажды мне довелось видеть такую драку, в которой, в конце концов, мужчина был обращен в бегство.

– Я к тетке, – сказал я как можно более развязно.

– Во-первых, здравствуйте, – отдельно шевельнула губами девушка, – во-вторых, к какой тетке? У нас живет здесь множество народу.

– К тете Люсе, – сказал я, продвигаясь потихоньку вперед.

Тень пробежала по лицу девушки, она поежилась, будто ей стало холодно.

– Тети Люси нет дома и, наверное, не скоро будет...

Я почувствовал неладное. Как это нет, отец дал телеграмму, письмо написал.

– Ваша родственница, – сказала девушка, и глаза ее посмотрели на меня с сочувствием, – в больнице. У нее стресс. А Михаил Аркадьевич дома спит...пьяный. Он вообще много пьет.

Она словно бросала в меня тяжелые камни. И теперь стояла и наблюдала за силой воздействия. Даже голову чуть склонила на плечо.

Первая мысль моя была, что такая веселая Луска не может попасть в больницу. Что же касается пьяного дяди Миши, то это и вовсе был какой-то вздор.

Все время я чувствовал позади дыхание девушки. Она сразу пропустила меня вперед и командовала за спиной, куда идти.

Таких квартир я еще не видел: здесь был не один коридор, а несколько, которые в свою очередь разветвлялись. В один из коридоров мы и свернули.

На двери красовалась медная ручка, изображавшая льва.

– Здесь раньше жила прислуга, а вся квартира принадлежала домовладельцу, – пояснила девушка.

Я открыл дверь, меня ослепил яркий сноп света. Спустя мгновение, я увидел большой кожаный диван и глаза дяди Миши, который лежал в одних трусах. Но что у него творилось в глазах!

Потом я только понял, что это была страшная тоска, а сейчас мне показалось, что у дяди Миши страшно что-то болит. Лицо его было каменным, в глазах плавала мука, обращены они были вовнутрь, словно дядя Миша что-то искал там и никак не мог найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.